

Гжегож Пекарский

О НОВОЙ ФОРМЕ ЭКОЛОГИИ В МЫСЛЯХ И ДЕЙСТВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Представленный текст – своеобразное приглашение к обсуждению наследия Грегори Бейтсона, а именно, к анализу возможностей его использования в теории и практике социальной работы. Концепции Бейтсона о коммуникации, хотя и кажутся далеко не новыми, в интерпретации Автора статьи предстают как инструменты, которые необходимо использовать в пространстве социальной работы. Они также крайне нужны для более глубокого анализа, для развития определенных идей и поиска ответов на новые вопросы.

Ключевые слова: теория социальной работы, экология коммуникации Грегори Бейтсона, коммуникация в социальной работе, тотальность коммуниката, метакоммуникация, двойная связка.

Пекарський Гжегож. Про нову форму екології у думках та діях соціальних робітників

Цей текст – своєрідне запрошення обговорити спадщину Грегорі Бейтсона, а саме, проаналізувати можливості використання його спадку у теорії та практиці соціальної роботи. Концепції Бейтсона про комунікацію, хоча здається досить старими, в інтерпретації Автора статті виступають інструментами, які можна й потрібно використовувати у площині соціальної роботи. Вони також вкрай потрібні для глибшого аналізу, для розвитку певних ідей та пошуку відповідей на нові питання.

Ключові слова: теорія соціальної роботи, екологія комунікації Грегорі Бейтсона, комунікація у соціальній роботі, тотальність комунікату, метакомунікація, подвійна зв'язка.

Piekariski Grzegorz. Call for the new form of ecology in thinking and acting of social workers

The presented text is a kind of invitation to reflect on the work of Gregory Bateson and its application in the theory and practice of social work. Bateson's conception of communication, though distant and unfavorable, turns out to be not only usable in the space of social work, but even necessary for deepening the

level of analysis, the development of particular ideas, and the search for answers to newly emerging questions.

Key words: theory of social work, communication ecology of Gregory Bateson, communication in social work, totality of communication, metacommunication, double bind.

Вместо введения

Размышления, которые можно прочесть в данном тексте, написаны по мотивам моего участия во Втором бейтсоновском симпозиуме в Польше. Встреча проходила 1–4 июня 2017 года в городе Миколув (в Силезском ботаническом саду). Однако первоначальным стимулом для написания данного текста стали идеи экологии разума, которые разрабатывались польскими исследователями по следам работ Бейтсона. Среди ученых, развивавших экологию разума в польских условиях, можно выделить Монику Яворскую-Витковскую и Леха Витковского (Jaworska-Witkowska, Witkowski 2016; Witkowski 2014; 2014a; 2015; 2016a; 2017; Bateson, Jaworska-Witkowska 2017). Благодаря их усилиям критический подход к экологии разума, к идеям о воспитании, основанным на экологии разума Грегори Бейтсона (культурного антрополога, эпистемиолога, теоретика коммуникации и кибернетики) постепенно внедряется в дискурс польской педагогики. В особенности в социальную педагогику (в том числе в теорию социальной работы), что позволяет углубить теоретический горизонт и ре(конструировать) гуманитарные основы интерпретационных инструментов. Эффект разорвавшейся бомбы возымел один из тезисов книги польского исследователя Леха Витковского *«Невидимая среда. Общая педагогика Хелены Радлинской как критическая экология идей, разума и воспитания. О месте педагогики на границе двойственности в гуманистике»* (Niewidzialne środowisko. Pedagogika kompletna Heleny Radlińskiej jako krytyczna ekologia idei, umysłu i wychowania. O miejscu pedagogiki w przełomie dwoistości w humanistyce), изданная в 2014 году. Тезис утверждает необходимость переформатировать мышление в педагогике в целом, а также в польской педагогике, обращая внимание на тот факт, что экологический подход к пониманию культуры и общественной жизни глубоко присущ гуманистике XX века.

О необходимости новых интерпретационных горизонтов

Сегодня как никогда ранее педагогический подход к воспитанию, развитию, дидактике и терапии невозможен без существенного влияния других наук. В данном случае речь не идет о том, чтобы вынести педагогические науки на второй план, ни о внешних терминологических заимствованиях, ни тем более о подмене понятий. Речь об определенных взаимоотношениях и интеракциях, особенно в сфере практического применения конкретных инструментов, которые невозможно свести к обычным процедурным решениям. Тут необходимо – как подчеркивает Витковский – открыть новые интерпретационные горизонты где поиск необходимых целей должен стать результатом разнообразных научных дисциплин. Эти перемены возможно осуществить на стыке различных процессов, взаимного переплетения научных знаний вопреки традиционной дифференциации знаний (Witkowski 2016a). Это специфическое задание (я имею в виду социальную работу) я воспринимаю как призыв задуматься и позаботиться о том, чтобы теоретический дискурс дополнить импульсами, активизирующими новые мыслительные инструментальные практики. Необходимо принять во внимание, что отдельные действия, которые на первый взгляд находятся в диаметрально противоположных плоскостях науки, с успехом можно объединить в относительно глубокую гуманистическую нарративную историю. Именно поэтому в идеях экологического видения мира, предложенных Бейтсоном, читается призыв выйти за рамки привычного понимания экологии (как правило, ассоциации с окружающей средой, которой необходим тщательный контроль и защита). Даже гуманистический подход в понимании человеческой среды, в котором говорится о необходимости защиты условий жизни человека и сообществ, кажется нам слишком упрощенным. В результате такого подхода экология предстает крайне узкой субдисциплиной (Jaworska-Witkowska 2016). Вместо этого необходимо понимать экологию в категориях своеобразной мыслительной парадигмы, благодаря которой становится возможным «изменить подход к самой гуманистике, принять во внимание положение человека в схеме взаимоотношений культуры и природы,

человеческого разума, идей и ценностей» (Jaworska-Witkowska 2016: 25–26). Именно такое прочтение бейтсоновской экологии поможет нам принять необходимость объединить органические взаимосвязи и использование системного подхода. Что в дальнейшем приведет, как мне кажется, к поиску обратных связей между практиками и теоретиками, между сферой институциональных решений и человеческой духовностью, что в целом – в моей оценке – представляется совершенной феноменальной вещью для социальной работы.

Экология Грегори Бейтсона как теоретическая база социальной работы

В качестве отправной точки для подобного подхода в социальной работе я использую идеи философа Жан-Мари Барбьера, подкрепленные тезисами Эвы Маринович-Хетки, а также идеи немецкого философа и искусствоведа Вольфганга Уэлша. Данные работы, похоже, доказывают, что стимулом к развитию дисциплины (здесь предмет социальная работа) должны стать не только специально созданные для этого тексты. В. Уэлш, например, считает, что нельзя впадать в привычные процедуры, нельзя останавливаться на схематическом характере практической науки. При этом Уэлш постулирует поиск следов, которые не являются дисциплинарным канонem или признанной парадигмой (Welsch 1998). Перекрестное взаимопроникновение наиболее простым образом понимается как множественность предпосылок, множественность взаимоотношений. В его основе – идея о интеграции знаний. Однако на самом деле речь идет о чем-то более глубоком, нежели мультидисциплинарность, или даже интердисциплинарность. Всего этого не хватает для понимания социальной работы как рефлексивной практики, как намерений к действиям, как систему понятий и значений, которые могут стать ориентиром к действиям, поискам и значениям. По мнению Эвы Маринович-Хетки (2007: 567–568) принятие перекрестной парадигмы предоставляет возможность развивать теорию социальной работы, благодаря чему могут возникнуть сомнения относительно ее прошлых действий, а также возможно стимулирование для конструирования других предложений. Как подчеркивает Жан-Мари Барбьер, много-

летний сотрудник Консерватории искусств и ремесел в Париже (Conservatoire des Arts et des Métiers), он же куратор отделения, специализирующего на подготовке высокопрофессиональных кадров в области социальной работы, в научном анализе следует отойти от традиционного разделения на исследовательские перспективы и перейти к исследованиям в определенных областях деятельности (Barbier 2006: 8). Говоря о перекрестности, таким образом речь идет о многоаспектном анализе: изнутри и с внешней стороны, т.е. с некоторого расстояния. Речь не идет об удобной и выгодной позиции специалиста, которая сводится к единственному измерению – удобной позиции в данной профессии. Итак, мы сталкиваемся с холистической перспективой мышления и многомерного теоретического участия, что вызывает – как подчеркивал Витковский – «противоречие между обычными отдельно трактуемыми типами действий, поскольку между ними необходим диалог и сотрудничество в качестве противовеса односторонним действиям» (Witkowski 2010: 123). В качестве аргумента Витковский подчеркивает, что «человек – это не набор составных частей, которые принадлежат исключительно одной дисциплине. Человек – структура, состоящая из элементов, крайне сильно связанных между собой, при этом данные элементы исчезают из поля зрения любого, кто исследует их взаимоотношение. Столь сложная структура требует сложных инструментов, с тем, чтобы справиться анализом. Мы учимся видеть детали. Однако мы не учимся справляться с ситуацией, где требуется понимание новых контекстов, где необходимы поиски нового подхода и новый взгляд. Ответственность нового системного подхода требует избегать редукционного инструментализма. Там, где понятия профессионализма или рациональности означают право на монотонный механический подход, необходимы новое качество, новая точность и – время от времени – разрушение стен, которые возникают между сферами познания» (Witkowski 2016a: 13). Иначе говоря, перефразировать данную сентенцию можно словами Андре Жида: *«Невозможно открыть новые земли, не согласившись с исчезновением берега из поля зрения»,* поскольку *«чтобы что-то увидеть, необходимо иногда изменить сам способ видения, ведь источником слепоты может*

быть именно старое видение и его изъяны в рамках познавательной ориентации» (Witkowski 2014a: 275). Именно хотя бы поэтому стоит обратиться к Грегори Бейтсону и его кибернетическим идеям, которые лежат в основе экологического видения отношений между индивидуумом и средой (понимаемыми как *человек-и-среда*, а не организм-контр-среда, или же сама среда независимо от организма) (сравни Bateson 1991: 171, 202). Это заставляет принять новую перспективу в понимании отношений между человеком и средой, в том числе между средой и теми, кто в нее вмешивается, в категориях обратной связи. Подобная оптика двустороннего влияния, в которых мы имеем дело с влиянием среды, с взаимными интеракциями и обратными связями, заставляет нас обратить внимание на ключевые для теории и практики социальной работы категории. Среди них наверняка найдется место для понимания сложности процессов, которые касаются действий и коммуникативных ситуаций (проблематики, осложнений, отношений, динамики взаимодействия). При этом необходимо принимать во внимание и ловушки, которые могут давать о себе знать. Эти ловушки Бейтсон описал в постулатах, касающихся концепции: а) идея о тотальности коммуниката, б) метакоммуникат и с) двойная связь (Bateson in. 2000: 201–227). Именно в такой последовательности будут представлены дальнейшие размышления.

Кибернетическая теория (теория экологии) социальной коммуникации Бейтсона и практика социальной работы

Ключевым моментом для анализа практики социальной работы является коммуникационное пространство, которое должно быть представлено во всей его сложности правил, норм и ловушек. Только после этого можно говорить, если ли смысл улучшить компетенции рефлексизирующего практика¹, когда речь идет о поиске человека, который будет заботиться о тебе (Witkowski 2013: 33–52). Данная

¹ Идея о рефлексивном практике может отражать мысль Бейтсона о том, что между практикой и идеями необходим баланс, поскольку сама забота об идее усложняет практику, а в свою очередь стремление к эффективности практики способствует сужению идей, которыми пользуется практика (см. Witkowski, 2014a, s. 298).

перспектива потребує прийняти во увазі баланс між антропологією та кібернетикою, згідно з яким «комунікація – це матриця, в якій відбуваються всі людські дії» (Maigret 2012: 135). Як говорив Грегорі Бейтсон, все поведіння – це комунікація (Ulleberg 2017: 175). Її інтерпретація будь-якої людської активності носить комунікативний характер, в якій поведінка кожного індивіда має певний сенс – кожне поведіння є носієм свідомості, воно щось передає, навіть якщо йдеться про зневагу чи заздрість. Бейтсон вважає, що поведінка не має протилежності, і відповідно відсутності поведінки². Інакше кажучи, неможливо не вести себе. Роблячи щось, ми завжди комунікуємо, незалежно від того, чи націлено це чи ні (Skibiński 2012: 83; Wendland 2016: 93-94). Подібний підхід змушує нас змінити ставлення до комунікації, в якій слова чи миті мовчання, жести, інтонації, теми, акценти, активність чи її відсутність несуть певне повідомлення³. Це повідомлення дає нам підказки до інтерпретації контексту комуніката через вираження нашого ставлення до ситуації комунікації з трьох аспектів: 1) ставлення до реципієнта комуніката, 2) ставлення до самого повідомлення/комуніката, а також 3) ставлення до самого себе – це означає, що сенс комуніката на рівні інформації завжди відносний, учасник комунікації інтерпретує комунікаційний обмін через ставлення до інших учасників комунікації: до комуніката і до самого себе. В процесі взаєморозуміння кожен учасник здійснює розмежування понять, інтерпретує поняття характерним для себе способом. Учасники комунікації складають свою пізнавальну карту відповідно до власного розуміння та інтересу. Однак участь у цьому події не гарантує подібного розуміння. Навпаки, розуміння цієї ж

² Ідею популяризували колеги Г. Бейтсона, а саме Р. Watzlawick, J. Bavelas, D. Jackson.

³ Також відсутність комуніката в ситуації, коли його очікують, плюс мовчання в відповідь на запитання – все це є певним повідомленням в контексті очікуваного поведіння.

ситуации скажет больше о нас самих, нежели о самой ситуации, поскольку оно зависит от субъективности интерпретации, согласно которой мы формируем наши интеракции. Данные коммуникации выступают в двух важных категориях: симметричных и комплементарных. Обе категории интеракции исполняют важную функцию в процессе взаимопонимания. Симметричные интеракции заключаются в отражении взгляда в ответ – реакция улыбки на улыбку. Между участниками сохраняется симметрия, а в ситуации противостояния каждая из сторон стремится к безусловной победе. Однако в комплементарных коммуникациях в ответ на определенное действие появляется дополняющее поведение, когда один человек доминирует, а второй поддается, когда один человек говорит громко, а другой тихо. В ситуации конфликта между сторонами происходит взаимное закрепление, как в ситуации высокомерия и покорности, когда второй человек заостряет и ускоряет конфликт (Bauman 2012: 20). Сохранение только одного вида отношений приводит к патологии коммуникации. Исключительно симметричное поведение приводит к эскалации конфликта, а исключительно комплементарные интеракции создают иллюзию согласия и отсутствие фактического контакта (Skibiński 2012: 84–86). В этом месте стоит еще обратить внимание на значение контекста коммуникации. Что предполагает всесторонний, широкий анализ явлений и переменных, по отношению к которым появляется интерпретация поведения (в качестве формы проявления конфликта). Характер интерперсональных отношений, их история, образцы взаимопонимания (форма, содержание), инструменты и индивидуальная история людей, принимающих участие в коммуникации, история группы, из которой происходит человек, культурное пространство, место интеракции превращаются в факторы, которые всегда необходимо принимать во внимание в процессе интерпретации поведения. Значение, которое придается любому поведению и событию, всегда обусловлено контекстом. Поэтому важно, чтобы смысл поведения воспринимался сквозь призму контекста, поскольку только тогда возможна интерпретация в категориях значений, понимания и обоснованности (Skibiński 2012: 86). Сказанное весьма существенно для практики социальной работы, поскольку: «контекст очерчивает не

только измерение интерпретации поведения, но также образцы поведения касательно предыдущего события и его участников» (Skibiński 2012: 86). Созависимость, связь, которая существует между контекстом и значением, кажется, очень редко видят (если вообще видят) социальные работники. А ведь понимание смысла в контексте поведения – это основа для его интерпретации. Поэтому любая информация, которую нужно расшифровать, требует знакомства с ней, в особенности (на что указывает Бейтсон) знакомства с метаконтекстом. Каждый ситуационный контекст вписан в более широкий контекст. Невидимый или неадекватный контекст поведения может стать причиной неправильного прочтения намерений – это одна из основных причин ошибок во взаимопонимании (Skibiński 2012: 87). Примеры решающей роли контекста и метаконтекста в коммуникации социальных работников (или в широком смысле сотрудников центров социальной помощи) прекрасно описаны в публикации «*Прошу, не помогай мне. Парадокс навязанной помощи*» (Proszę nie pomagaj mi. Paradoxs pomocy narzuczonej) (См. Rurka, Hardy, Defays 2013, s. 23–24).

Бейтсоновское понимание коммуникации предлагает многоуровневость действий и поведений, лежащих в ее основе. Бейтсон создал модель коммуникации, которая предстает в виде цепи событий, выходящих далеко за пределы события, в котором донор передает получателю информацию в одном направлении. В его понимании коммуникация предстает в виде многоуровневого механизма с обратной связью. Размышляя над проблемой «коммуникатов, которые становятся понятными благодаря другим коммуникатам, умещаая их в определенном контексте», Бейтсон (Bateson 1996: 156) выделил высший и более разнообразный уровень коммуникации – метакommunikацию (Bateson 1996: 155).

Метакоммуникация, по мнению Бейтсона, – это второй ярус (пласт) коммуникации, а именно коммуникаторов, которые выступают в коммуникации и позволяют лучше понимать коммуникаторы. Метакоммуникация понимают чаще всего как невербальное дополнение вербальной коммуникации, как своеобразную подсказку на тему того, как стоит интерпретировать данное действие. Сообразно сказанному – на основе интерпретации Эммануэля Кульчицкого (Emanuel Kulczycki)

– в рамках коммуникации каждому коммуникатору сопутствует метакоммуникат. Именно он позволяет уточнить, каким образом можно понять коммуникат первого ряда. Речь идет не только об уточнении содержания коммуниката. Важно, каков будет ответ на данный коммуникат (особенно с точки зрения практики социальной работы), а также как они повлияют на взаимоотношения между людьми, вступающими в коммуникацию). Если вербальная коммуникация будет созвучна с невербальной, можно считать, что отправитель слаженно коммуницирует. Однако если невербальная коммуникация противоречит вербальной, возникает сомнение в искренности участника коммуникации (Kulczycki 2016: 104–105). В данной ситуации мы ведем речь о противоречивости коммуниката (между тем, что слышит человек, и тем, что видит и чувствует). Таким образом, в словаре Бейтсона возникает понятие двойной связи.

Понятие двойной связи первоначально было предложено как часть теории шизофрении. Однако его можно понять, особенно в рамках гуманистической интерпретации, гораздо шире, поскольку в двусторонних отношениях в общении возникает угроза ловушки. Двойную связь можно интерпретировать как путаницу, путаницу уровней сообщений, где положительная реакция получателя на одно сообщение оказывается всегда отрицательной по отношению ко второму сообщению. Поэтому мы имеем дело с двойной связью, когда один человек, главным образом в доминирующей позиции, предоставляет второму человеку команду или сообщение, содержащее два противоречащих или логически некогерентных сообщения. Одновременно по эмоциональным причинам (страх отказа, насилия) или жизненная ситуация (тюрьма, госпитализация, помещение) данный человек находится в ситуации, когда он не может прекратить отношения. Он связан со вторым человеком и должен выполнить приказ, который не в состоянии выполнить добровольно (Rurka i in. 2013: 7, 22). Иными словами, лицо, которое является получателем сообщения приказного характера, принуждения, находится в безвыходной ситуации. С одной стороны, у него возникает ощущение, что он не может позволить себе проигнорировать, а с другой – не в состоянии адекватно ответить

на него⁴. Появление описанных таким образом отношений, которые могут вызывать запутанные реакции из-за противоречивых требований, можно увидеть именно у клиентов учреждений по оказанию помощи. От клиентов ожидают индивидуальную деятельность и независимость в жизни, в то же время требуя от них полного соблюдения действующих правил в учреждении, которое является центром социального обеспечения. В результате нормативного распоряжения административного или судебного органа. В такой реальности помощь все чаще приобретает черты принуждения, приказа, который превращается в сложную игру отношений между клиентом (человек, который подчиняется приказу) и социальным работником (человек, который осуществляет приказ). По Бейтсону, эта игра называется – о чем я уже вспоминал – двойной связью. Идеальным образом это иллюстрируют примеры, проанализированные Анной Руркой, Гаем Харди и Кристианом Дефейсом (2013). Их наблюдения и мой личный опыт показывают, что не будет преувеличением сказать: очень часто помощь и давление представляют определенное пространство, в котором обе формы, хотя и весьма противоречивые, сосуществуют, нередко превращаясь в целость. Так происходит в ситуации использования контролирующей помощи, (опирается на власть и доминирование) или согласованной помощи (которая скрывает или создает видимость отсутствия силы)⁵, навязывающей перемены, которые на

⁴ Ситуация, которая возникает по причине противоречивой команды, ее невозможно исправить. В качестве примера можно привести следующие сообщения: Будь спонтанным! Будь, наконец, независимым! (См.: Jaworska-Witkowska 2016: 38).

⁵ В качестве примера можно привести следующую ситуацию. «Сосед некой семьи X сообщил директору социального учреждения, что X не заботятся о своих детях. Директор поручил провести расследование, результаты которого подтверждают предположения заявителя. Директор вызывает родителей, делится с ними своими подозрениями и предлагает помощь. Помощь станет возможной (на данном этапе) только тогда, когда родители этого захотят, и, следовательно, признают, что они столкнулись с проблемой. Подобная помощь называется социальным контрактом или «согласованной помощью», поскольку семья подписывает контракт на услугу,

самом деле. В реальности все это превращается в ловушку и сложности, ситуацию невозможно ни прервать, ни реализовать по собственной воле. Приказ о помощи, невозможность побега или ответа по причине угрозы, приказа и в конце концов в виду отсутствия возможности метакоммуникации,⁶ вписывается в ситуация двойной связи не только клиента социальной помощи, но и всех остальных участников коммуникации, в том числе и социального работника. Поэтому «двойную связь необходимо понимать не как отношения между палачом и жертвой, а как между людьми, которые увязли в отношениях, которые в свою очередь создают различные определения отношений, между которыми возникает конфликт» (Rurka i in. 2013: 19).

Рассматриваемые теоретические темы, похоже, могут вдохнуть новое в теорию и практику социальной работы⁷. Чтобы эти перемены могли стать ценными и качественными для их участников, они быть дифференцированными – а *difference which makes difference*.

в отличие от навязанной помощи. Однако очевидно, что, если X не принимают или не желают этой помощи, директор должен или может передать дело в суд. Суд наложит ту самую помощь, которую они не приняли, и так до тех пор, пока X захотят ее принять. Отсутствие готовности принять помощь (которую, согласно воли учреждения, должны желать клиенты), приводит к тому, что положение семьи X очень непростое в свете законодательства. Весьма вероятно, что положение X в глазах судебных органов будет еще более сложным в отсутствии сотрудничества. Поэтому в данной административной процедуре семья X вынуждена признать сама перед собой, что ее заставляют принять помощь, ведь, согласно распоряжению, она должна ее хотеть». (Rurka i in. 2013: 31).

⁶ Во время вмешательства клиент не имеет возможности для метакоммуникации. Дело в том, что автоматически возникает риск того, что реакция клиента будет воспринята как пассивная агрессия, или же как попытка уйти от данной помощи, которая в этой ситуации будет казаться еще более обоснованной (Rurka i in. 2013: 31).

⁷ В предложенном тексте не так много примеров конкретных практических решений, поскольку его главная цель – побудить читателя подумать над возможностью включить разработки Бейтсона в социальную работу, найти вдохновение для работы.

Постулат Моники Яворской-Витковской (2016: 41) – сентенция, которую можно перевести как «разница, которая меняет дело», что означает информацию, несущую огромную разницу, которая влияет на понимание чего-либо. Речь о том, чтобы разница на уровне акта коммуникации, вызвала реакцию на уровне отношения к ней. «В коммуникации (особенно при убеждении) речь идет не только о передаче разницы в качестве основы информации, но и о причине данной разницы, то есть речь об установлении взаимосвязи с метакоммуникатом, который придает смысл тому факту, что разница существует как фактор значительных изменений» (Jaworska-Witkowska 2016: 42). Вот почему так важно согласовать основной контекст метакоммуникации между отправителем и получателем. Клиент социального обеспечения может получать информацию от социального работника, не беспокоясь о данной информации и, таким образом, не признавая контекст, который делает их релевантными. Другими словами, «разница может ничего не сделать, она может быть неактуальной в любой момент, не относящийся к получателю, потому что нет контекста, в котором эта разница вызвала бы что-то значительное» (Jaworska-Witkowska 2016: 42). Это тот самый случай, когда клиент (получатель сообщения) ссылается на то, что игнорирует или не понимает функцию информации или не имеет доступа к контексту, который позволил бы получить информацию на другом уровне, чем само сообщение, но в соответствии с контекстом. Поэтому даже серьезное сообщение от социального работника (отправителя сообщения) может восприниматься клиентом как тривиальное. (Witkowski 2016: 417). Моника Яворска-Витковска подчеркивает, что необходимо придавать значение «состыковке сообщения на уровне коммуникации (о чем говорится), заботясь об уровне значения самого акта коммуникации (о чем речь и почему это важно для получателя), чтобы понять, что передаваемое содержание нельзя лишить метакоммуникационных предпосылок, которые также должны дойти до получателя, если ему необходимо их усвоить, а не просто получить» (Jaworska-Witkowska 2016: 25). В этом месте также стоит отметить, что социальная работа с клиентом, основанная на уговаривании, желании убедить его в нормах и идеях, высказанных социальным

работником, вообще не должна в результате закончиться тем, что клиент убедится в необходимом действии. А собственно, наоборот, по вине бездарного вмешательства ценное будет нивелировано и в метакоммуникационном контексте будет уничтожено. Это может усложнить и даже парадоксальным образом отвернуть, привести к тому, что Эрик Эриксон назвал эффектом негативной идентичности. «Наррация, которая объективизирует ситуацию без ее одобрения, без вписывания ее в горизонт субъективного переживания собственной судьбы, не поможет изменить отношение, и даже может удлинить увязание в ней дальше» – предупреждал Лех Витковский в ходе XIX Съезда Польского объединения школ социальной работы (2010a: 138). Поэтому нужно указать на еще один момент, который выплывает из данного анализа. А именно, речь идет о тезисе *«помощь успешна только тогда, когда со стороны клиента есть желание принять ее»* (Rurka i in. 2013: 14). Помощь является отрицанием принуждения. И несмотря на то, что этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения и отдельного анализа, стоит отметить, что достижения Грегори Бейтсона, благодаря его указаниям на опасность двойной связи в противоречивом коммуникате *«разреши тебе помочь»*⁸, ведет к утверждению *«если хочешь мне помочь, не помогай мне»*. Другими словами, если только когда вы подогреете во мне желание получить вашу помощь, в этот момент я открою перед возможностью помочь (Rurka i in. 2013: 40).

Исследовательский подход Бейтсона, подрывая прежние тенденции линейного способа мышления, проложил дорогу к новой

⁸ Подобный коммуникат можно назвать довольно противоречивым. Несмотря на то, что он звучит как *«позволь тебе помочь»*, его суть иная. А именно, в нем слышится следующее: *„я хочу, чтобы ты разрешил тебе помочь»* или *«я хочу, чтобы ты изменился, ведь я вижу, что у тебя проблемы, но ты не только должен меня выслушать, но и должен захотеть измениться»*. В данной ситуации человек, который поддается помощи другого человека, не может полностью воспользоваться ею. Помощь может быть успешна только тогда, когда человек, нуждающийся в ней, готов ее принять. Иначе предложение принять помощь является противоречивым по своей сути (см.: Rurka i in. 2013: 22).

інтерпретації явлень, рассматриваемых в категориях взаимосвязи (Ulleberg 2017: 176). И, несмотря на то, что этот метод успешно изменил психотерапевтическую работу, по-прежнему кажется, что в повседневной социальной и образовательной практике представители учреждений по оказанию помощи выполняют задачи в области социальной работы. Вместо причинно-следственного анализа ситуации клиента необходимо воспринимать каждого человека в контексте отношений и взаимодействий, как часть (эко) системы. «Крайне важно подчеркнуть, что всякий раз, когда вы видите напряженные отношения между участниками взаимоотношений, вы должны видеть в них гораздо более широкое событие, требующее совершенно иной формы восприятия, чем поверхностный анализ источника отношений» (Witkowski 2016: 426).

Вместо заключения

Данный текст стоит воспринимать исключительно как введение в проблему. Его цель – не раскритиковать действия и компетенции социальных работников, а показать опасные ситуации, которые могут угрожать правильной организации нужных решений. Я не сомневаюсь, что решения Грегори Бейтсона можно привести в практику социальной помощи в практической социальной работе. Оказывается, что эти решения, хотя они и могут показаться старыми и неподходящими, возможно не просто использовать, но и активно употребить для углубления уровня анализа, развития отдельных идей и поиска ответов на новые вопросы.

References

- Barbier, J.M. (2006). *Działanie w kształceniu i pracy socjalnej. Analiza podejść*, przeł. G. Karbowska. Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice.
- Bateson, G. (1991). *A Scared Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*, edited by R.E. Donaldson. Harper Collins Publisher, New York.
- Bateson, G. (1996). *Umysł i przyroda: jedność konieczna*, przeł. A Tanalska-Dulęba. Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa.
- Bateson, G., Jackson, D.D., Haley, I., Weakland, J.H. (2000). *Toward a theory of schizophrenia. W G. Bateson, Steps to an Ecology of Mind*. The University of Chicago, Chicago.

Bateson, N., Jaworska-Witkowska M. (red.), (2017). *Towards an ecology of mind. Batesonian legacy continued*. Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Biznesu w Dąbrowie Górniczej, Dąbrowa Górnicza.

Bauman, Z. (2012). *O edukacji. Rozmowy z Riccardo Mazzeo*. Wydawnictwo Naukowe Dolnośląskiej Szkoły Wyższej, Wrocław.

Jaworska-Witkowska, M., Witkowski, L. (red.), (2016). *Humanistyczne wyzwania ekologii umysłu: Gregory Bateson w Polsce*. Fundacja na rzecz myślenia im. Barbary Skargi, Warszawa.

Kulczycki, E. (2016). *Batesonowskie pojęcie metakomunikację w komunikologii historycznej*, w: M. Jaworska-Witkowska, L. Witkowski (red.), *Humanistyczne wyzwania ekologii umysłu: Gregory Bateson w Polsce*. Fundacja na rzecz myślenia im. Barbary Skargi, Warszawa.

Maigret, E. (2012). *Szkola Paolo Alto i orkiestralny model komunikacji*, w: E. Maigret, *Socjologia komunikacji i mediów*, przeł. I. Piechnik. Oficyna Naukowa, Warszawa.

Marynowicz-Hetka, E. (2007). *Uwagi na zakończenie – w kierunku transwersalności pedagogiki społecznej*, w: E. Marynowicz-Hetka (red.), *Pedagogika społeczna*, t. 2. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Rurka, A., Hardy, G., Defays, Ch. (2013). *Proszę nie pomagaj mi. Paradoks pomocy narzuconej*, przeł. U. Bisek, M. Macińska. Centrum Rozwoju Zasobów Ludzkich, Warszawa.

Skibiński, A. (2012). *Gregory Bateson i kontekstowa teoria komunikacji. Różnica, która czyni różnicę i wzorec, który łączy*, w: E. Kulczycki, M. Wendland (red.), *Komunikologia. Teoria i praktyka komunikacji*. Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii UAM, Poznań.

Ulleberg, I. (2017). *Education and Communications*, w: N. Bateson, M. Jaworska-Witkowska (red.), *Towards an ecology of mind. Batesonian legacy continued*. Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Biznesu w Dąbrowie Górniczej, Dąbrowa Górnicza.

Welsch, W. (1998). *Racjonalność i rozum dzisiaj*, w: R. Kubicki (red.), *Filozoficzne konteksty rozumu transwersalnego. Wokół koncepcji Wolfganga Welscha*. Fundacja Humaniora, Poznań.

Wendland, M. (2016). *Batesonowskie ujęcie komunikacji na tle rozwoju nauki o komunikacji w drugiej połowie XX wieku*, w: M. Jaworska-Witkowska, L. Witkowski (red.), *Humanistyczne wyzwania ekologii umysłu: Gregory Bateson w Polsce*. Fundacja na rzecz myślenia im. Barbary Skargi, Warszawa.

Witkowski, L. (2010). *W stronę kultury profesjonalizacji. Koncepcja Jean-Marie Barbier działania w pedagogice społecznej (esej recenzyjny nie tylko na*

rzecz pracy socjalnej), w: L. Witkowski, *Praca socjalna i profesjonalizm pedagogiczny*. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Edukacji Zdrowotnej i Nauk Społecznych, Łódź.

Witkowski, L. (2010a). *O dwoistościach autorytetu pracownika socjalnego (w kształceniu profesjonalnym i jako wyzwania praktycznego)*, w: L. Witkowski, *Praca socjalna i profesjonalizm pedagogiczny*. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Edukacji Zdrowotnej i Nauk Społecznych, Łódź.

Witkowski, L. (2013). *Filozoficzne aspekty pracy socjalnej (rekonesans w retrospekcji)*, w: A. Kotlarska-Michalska, K. Piątek (red.), *Praca socjalna – jej dyskursy, usytuowania i profile*. Wydawnictwo Edukacyjne Akapit, Toruń.

Witkowski, L. (2014). *Niewidzialne środowisko. Pedagogika kompletna Heleny Radlińskiej jako krytyczna ekologia idei, umysłu i wychowania. O miejscu pedagogiki w przełomie dwoistości w humanistyce*. Oficyna Wydawnicza „Impuls”, Kraków.

Witkowski, L. (2014a). *Ekologia umysłu według Gregory’ego Batesona*, w: L. Witkowski, *Niewidzialne środowisko. Pedagogika kompletna Heleny Radlińskiej jako krytyczna ekologia idei, umysłu i wychowania. O miejscu pedagogiki w przełomie dwoistości w humanistyce*. Oficyna Wydawnicza „Impuls”, Kraków.

Witkowski, L. (2015). *O nową postać ekologii. Między tradycją a współczesnością*. „Ekologia”, 2: 36-38.

Witkowski, L. (2016). *Konteksty i elementy ekologii umysłu, idei i wychowania według Gregory’ego Batesona*, w: M. Jaworska-Witkowska, L. Witkowski (red.). *Humanistyczne wyzwania ekologii umysłu: Gregory Bateson w Polsce*. Fundacja na rzecz myślenia im. Barbary Skargi, Warszawa.

Witkowski, L. (2016a). *O nową postać ekologii (II). W stronę ekologii umysłu*. „Ekologia”, 2: 10-13.

Witkowski, L. (2017). *Ekologia wobec uzależnień cywilizacyjnych*. „Ekologia”, 2: 19-22.